

Владимир Лавров

УНИВЕРСИТЕТ ВОЛШЕБНИКОВ

часть 1
В ПОИСКАХ РАЗУМНОСТИ

Аннотация

Вы не отказываетесь от мыслей об образе полного счастья? Вы желаете жить полной любовью, без страхов и ограничений? Вы не отказываетесь от желания улучшить последствия своих действий? У вас обострённое восприятие красоты, которое заставляет вас творить произведения искусства огромной силы? Тогда будьте готовы к тому, что в один прекрасный день вы получите приглашение в университет волшебников.

Магам иметь с собой метлу и волшебную палочку. Немагам иметь с собою запас успокоительных лекарств. Оформленная страховка на случай насильственной смерти обязательна для всех.

Владимир Лавров

Университет волшебников

Часть 1. В поисках разумности

Глава 1. Схватка энергий

Декабрь 1941 года. Харьковское направление.

В этот день Юрген Трескофф впервые увидел валькирию. Набирая на своём Me-109F высоту, он случайно кинул взгляд направо и увидел девушку с совершенно белыми волосами. Она летела рядом с его самолетом так же спокойно, как тройка его ведомых слева, и казалась неотъемлемой частью боевого порядка. Валькирия была одета в белые развивающиеся одежды и сидела на каком-то подобии копья. Увидев, что Юрген её заметил, она подмигнула. Юрген закрыл глаза и потряс головой.

Открыв глаза, он убедился, что девушка исчезла, и тут же выкинул этот факт из своей головы. Мало ли какие фокусы не выкидывает психика перед боем? Некоторые офицеры из пехоты говорили, что при приближении к передовой начинают всё видеть в черно-белом свете. И ничего, хорошие офицеры были, все увешанные наградами...

Следовало сосредоточиться на боевой задаче. На этот раз посты радиоповещения в кои-то веки

не проспали и вызвали свои истребители ещё до того, как штурмовики пропахали передовую. Обычно истребителям доставалось только преследовать отходящие на свою сторону бомбардировщики русских. Следовало поторопиться, чтобы предотвратить бомбардировку передовой. Наземные части наступали по открытой степи и были очень уязвимы. Попадать в таком положении под огонь «Железных Густавов», Ил-цвай¹, было для них очень опасно. Думать в такой ситуации о разных девушках было совсем некстати.

Через шесть минут Юрген и его группа подошли к передовой, почти одновременно с русскими. С русской стороны подходила десятка штурмовиков под охраной всего двух истребителей, да и те шли на высоте штурмовиков с малой скоростью. Юргену стало их почти жаль: лопухи, кто же совершает налеты такими малыми силами, да ещё с таким слабым прикрытием? Если Иваны шли на высоте 600 метров и со скоростью около 350 км/ч, то Юрген и его группа успели забраться на 3000 и развить максимал.

Сбить штурмовик для начинающего — почти невозможная задача. Пули от его корпуса просто

¹ Ил-2, советский штурмовик.

отскакивают, а крыло продолжает работать даже после того, как пушка проделает в нём огромные дыры. Единственная возможность — это подкрасться незаметно и пробить радиатор снизу, пока пилот не успел втянуть его в корпус. А те штурмовики, что имеют стрелка сзади, ещё хуже.

Но сейчас Юрген не собирался подкрадываться и атаковать снизу — о внезапности речи не шло, вся дюжина русских последние пять минут наблюдала, как они набирали высоту. Юрген прошел немного восточнее, скомандовал атаку и боевым разворотом пошел к штурмовикам.

Лейтенант Юрген Трескофф не был старожилом этой войны, но он не был и новичком. Он не успел на войну в Польше или во Франции, но зато внимательно слушал то, что говорили опытные бойцы. Сидеть в кабине самолета для него было то же, что и на табуретке. Страха он давно уже не испытывал. Главное — это не нарушать некоторые маленькие правила и думать головой, и тогда война станет не опаснее, чем переход улицы. Никто не сможет атаковать тебя, если ты идешь на скорости хотя бы 500 км/ч — просто не хватит времени на перехват. Поэтому достаточно держать скорость и хотя бы иногда посматривать вокруг. Юрген эти правила не нарушал, и потому у него уже была должность командира эскадрильи и двадцать побед на счету.

Сейчас он также не собирался терять скорость. Выходя боевым переворотом на штурмовики в очень крутом пикировании, он собирался поразить самое уязвимое место штурмовика — кабину летчика. Получится, конечно, очень неточно, на такой большой скорости это почти то же самое, что штурмовать наземные цели, но зато безопасно. Стрелки не успеют стрельнуть по промчавшейся машине, а истребители просто не успеют разогнаться. Ну и что, что вероятность попасть невелика? Можно сделать столько заходов, сколько захочется.

Вражеские машины стремительно приближались. Теперь стало видно, что только шесть из них имеют стрелков сзади, четверка относилась к старому, одноместному типу. Пилоты истребителей начали задирать носы, разворачиваться навстречу пикирующим. Юрген узнал в них ЛаГГ-3. Ему захотелось закричать: «Наивные, кто же так делает? Вы только потеряете скорость, попасть на таких ракурсах в стремительно промчавшуюся машину просто невероятно!» Наверное, ребята только из лётной школы, где их учили только летать и целиться. Никакого понятия о стратегии.

Штурмовики выростали в прицелах. Юрген дал очередь и, не глядя на результат, стал плавно выходить из пикирования. Перегрузка была

большая, но не настолько, чтобы потерять скорость от потери качества. Именно этому учили его бывалые двадцатитрёхлетние фельдфебели, вернувшиеся с восточного фронта: «Развороты делай плавненько, из пикирования выходи потихонечку — чем больше перегрузка, тем меньше отношение подъёмной силы к сопротивлению, тем больше потеря скорости».

Набрав 2000 м, Юрген огляделся. Вся его тройка крутила винтами рядом с крылом ведущего. Два штурмовика, дымя, сыпались на землю. Истребители Советов, как и следовало ожидать, отстали, и теперь они натужно газовали, стремясь набрать высоту и скорость. Не успеют, можно их в расчет не брать.

Для первого раза неплохо.

Остальные штурмовики упорно шли на цель. Упрямые парни, Schneidige Kennern! Немецкие бомбардировщики в такой ситуации уже давно побросали бы бомбы и вернулись домой.

Четверка «мессеров» набрала два с половиной километра и повторила заход. На это раз только один штурмовик устремился к земле. Теперь стоило заняться истребителями.

ЛаГГи набрали два километра и ползли прямо на противника, в лобовую, со смехотворной скоростью километров в триста. Юрген усмехнулся. Нет, он не избегал лобовых. Но зачем ходить в

лобовые, если у тебя преимущество в скорости и высоте? По выходе из пикирования у Юргена было 550 км/ч. Лучше зайти повыше, развернуться и расстрелять противника с хвоста, пока он будет стремиться набрать скорость и терять её на крутых виражах, уворачиваясь от атак. Так они и сделали. Ведущий у ЛаГГов был хорошим летчиком, он лихо открутил несколько бочек и пошел на вертикаль, пока они приближались, но при скорости 400 км/ч тяжело соревноваться с тем, у кого на пикировании развито 620 км/ч. Они расстреляли его в упор, всей четверкой, и с рёвом прошли мимо ведомого. Ведомый оказался умнее. Потеряв ведущего, он скользнул к земле и в пикировании ушел на восток. Юрген почему-то запомнил его номер на самолёте — 12, счастливая дюжина. Он даже не стал его догонять — охотиться за ЛаГГом в пикировании дураков нет. Рядом были беззащитные штурмовики, а платили за них столько же.

Штурмовики наконец-то уяснили очевидный факт полной собственной беззащитности и развернулись обратно. «Мессершмиты» сбили ещё двоих, пока оставшиеся не зашли слишком далеко на свою территорию. Истребитель с дюжиной на фюзеляже оказался смелым парнем и попытался вернуться, на этот раз с превышением высоты и скорости, но он опоздал. Пока он набирал высоту и скорость, четверка Юргена Трескоффа уже

развернулась домой. Пять машин за один день — тоже неплохо. Зачем рисковать?

Через двадцать минут их четвёрка села на своём аэродроме.

Юрген Трескофф очень удивился бы, узнав, что виденная им девушка в это же время вошла под высокие своды находящегося далеко на севере здания и сказала пожилому человеку с длинной седой бородой: «Умный, ему место скорее у нас, чем в истребителях. Жаль будет, если он погибнет. А ещё он опаснее, чем химическое оружие. Летает строго по математике, ни одной ошибки. Если мы его не уберём, он обрушит весь фронт».

Пятью минутами позже Валентин Соколов, пилот истребителя с номером «12», зарулил на стоянку, открыл фонарь и со злостью стукнул кулаком по переплёту фонаря. За один день потерять и ведущего, и штурмовики! Если бы не этот дурацкий приказ держаться на одной высоте и скорости со штурмовиками! Если бы на взлёте не засбоил мотор у комэска!

Они должны были лететь на сопровождение четвёркой, но у командира эскадрильи после взлёта засбоил мотор, а его ведомый, такой же новичок, как и Соколов, не разобрался в ситуации и вернулся на аэродром вместе с ведущим. Так и получилось, что сопровождать штурмовиков пошли только Ваня

Селивёрстов, который на фронте всего месяц, да он, который на фронте всего неделю. Где теперь Ваня?

В следующие дни случилась нелётная погода. Юрген и его однополчане использовали эти дни, чтобы отпраздновать Рождество. Они пели рождественские гимны, и было почти так же тепло и весело, как дома. Потом они устроили лыжные соревнования, потом кто-то предложил поохотиться на лис с пулемётом. Они убили в снегу одну лису, но её шкура оказалась полностью испорчена пулевыми отверстиями, и они бросили это занятие. А когда снеговые тучи немного проредились, грянул такой мороз, что моторы отказались заводиться. Механики грели их открытым огнём, но это тоже не очень помогало. Некоторое время ушло на сооружение тёплых чехлов и специальных печек, и в итоге они почти месяц не летали. Русские, чья техника была лучше приспособлена к холоду, в это время безнаказанно бомбили наземные части. Впрочем, им это не особенно помогло. Авиации у них было мало и действовала она без связи с наземными войсками.

Нелётная погода, установившаяся в конце декабря, позволила личному составу 164-го истребительного полка, в котором сражался Валентин Соколов, нормально отпраздновать

Новый Год. Девушки из БАО ² составили прекрасный хор, прекрасный хор был и в полку, дирижировал им замполит. Это было его любимое детище. Они много пели, смеялись и шутили, отчего-то верилось, что новый, 1942 год, принесёт победу над фашистскими захватчиками. Основания для того были: в полк прибыли новые летчики, которые рассказывали, что видели в тылу новые самолёты, превосходящие немецкие, и огромное количество танков, которые начали выпускать эвакуированные в Сибирь заводы.

В первых числах января на аэродром полка плюхнулся И-16, на котором прилетел заместитель начальника 75 САД по лётной подготовке. Он сообщил, что принято решение на базе 75 САД сформировать 38-ую авиационную армию. Это было радостное решение. Целая авиационная армия! Это была сила. В первые месяцы войны авиация, по сути дела, была придана в поддержку пехоте, «растасчена» равномерно по всему фронту. И мало того, что пехотные командиры очень слабо умели управлять авиацией, такой порядок ещё и не позволял концентрировать необходимые силы на критически важных направлениях, из-за чего втрое уступавшая по численности и почти равная по

² Батальон аэродромного обслуживания.

техническому уровню немецкая авиация постоянно одерживала победы. Создание армии с единым командованием обещало исправить ситуацию.

Для Валентина Соколова первые дни января принесли другую радость, значительно укрепившую его уверенность в своих силах. На аэродром их полка сел известный своими победами гвардейский истребительный полк, который перелетал к новому месту базирования. Непогода прижала его на несколько дней, и в обмен на гостеприимство летчики полка поделились несколькими секретами. В ответ на вопрос Соколова о том, какие фигуры высшего пилотажа могут помочь принести победу, бывалые лётчики только поухмылялись.

— Самый лучший способ использования фигур высшего пилотажа — это их не применять, — посоветовал пожилой майор с орденом Красного Знамени на груди, — помнишь, что говорил комкор Рычагов, глава всей нашей авиации одно время? «Не надо фигурять!»

— Как же так? — удивился Валентин, — Манёвр — главное оружие истребителя, а Рычагов-то, того, разоблачен как враг народа.

— Ты внимательнее слушай. Рычагов это говорил, когда ещё не был врагом народа. А опыт у него по Испании — огромный, он там в этих собачьих свалках по уши накрутился. Мы с ним там

рядом были. Он просто так говорить не стал бы. Твой козырь — скорость и огневая мощь. У тебя ЛаГГ тяжеловат для манёвра, но зато хорошо разгоняется, плоскости фанерные, перкаль не тормозит. Вот и используй это. Держись повыше, смотри подальше. Стрельнул — отходи, в оборонительный круг не вставай, это уже устарело, собьют.

— А как же штурмовики сопровождать?

— А как хочешь. Хочешь — змейкой ходи, хочешь — высоту набирай.

Полученный совет полностью перевернул представления Валентина о воздушном бое. Лежа на спине в небольшой хатке шахтерского посёлка, он разглядывал нарисованную на потолке карту местности с характерными ориентирами³ и прокручивал в уме варианты боёв. Если раньше он придумывал различные манёвры и увёртки, то теперь он начал рассчитывать количество потерянной на том или ином манёвре энергии. Вскоре представилась и возможность проверить теорию на практике. Интенсивность полётов

³ Летчики многих истребительных полков советских ВВС рисовали на потолках своего жилья карты местности, чтобы даже во время отдыха запоминать характерные ориентиры карты.

немецких ВВС в январе — феврале почему-то снизилась, но отдельные бомбардировщики и пикировщики всё-таки появлялись над передним краем. Валентин старался летать как можно больше, впрочем, таковыми были и все лётчики его полка. Полёты начинались ранним утром. Механики снимали с моторов толстые тёплые чехлы, отсоединяли аэродромные подогреватели, которые им приходилось топить всю ночь, и начиналась боевая работа.

Валентин не представлял, когда механики спали: днём они готовили к вылету и чинили самолёты, ночью гоняли подогреватели. Механики в ответ на этот вопрос смеялись и говорили, что спят в непогоду. Уважение лётчиков к механикам и наземному составу было огромным.

Однако, боевой счёт не рос. Однажды Валентин целых пять раз крутился вокруг одной «Штуки»⁴, истратил весь боезапас, но «Штука», как заколдованная, продолжала лететь вперёд, ещё и огрызалась пулемётом стрелка. Пришлось опять засесть за учебники.

Валентин Соколов закончил школу в 1939 году и сразу был направлен по комсомольской

⁴ Ю-87, пикирующий бомбардировщик, другое название — «лапотник».

путёвке в лётную школу. Поступление далось легко, помогло то, что он учился в аэроклубе, а ещё раньше посещал авиамодельный кружок. Борисоглебская авиашкола уже перешла на режим военного времени — вместо положенных четырёх лет учили только два года. Однако, пилотажная подготовка была весьма неплохой — выпускники авиашколы уверенно пилотировали уже устаревший, но тем не менее вполне настоящий истребитель И-5. Выпускался Валентин младшим лейтенантом — а звание младшего лейтенанта давали только тем, у кого не было ни одной тройки. После выпуска Валентину не повезло — вместо фронта он, как отличник в пилотировании и бывший пилот аэроклуба, был направлен в Рустави, в лётную школу инструктором. Но только какой из него инструктор? Он сам прекрасно осознавал, что в 19 лет слишком молод, чтобы быть инструктором, и к тому же хотелось бить фашистов. По этой причине он забрасывал начальство рапортами с просьбой отправить его на фронт. Некоторое утешение было лишь в том, что в Рустави он смог освоить новый на тот момент самолёт — ЛаГГ-3, которые выпускал Тбилисский авиазавод.

В декабре 1941 года ему наконец нашлась замена — в инструкторы был назначен один из выздоравливающих лётчиков — фронтовиков, а Валентин попал в 164-ый истребительный полк. С

начала войны полк был разгромлен, по сути дела, уже три раза, и несколько раз выводился на переформирование. Молодые лётчики, перегонявшие вместе с Соколовым самолёты для полка из Тбилиси, ворчали и называли самолёты ЛаГГ-3 «лакированным гарантированным гробом». Говорили, что он тяжелее и медленнее «мессершмита». Однако, по прибытии на место замполиту удалось воодушевить молодежь.

«Смотрите, вот 117-й гвардейский истребительный авиационный полк воюет на И-16, а 611-й истребительный авиационный полк до сих пор уверенно воюет на И-153, а у них данные намного хуже, чем у вас, — говорил замполит, — и как воюют? Замечательно! Сбивают и бомбардировщики, и истребители. В воздушном бою главное не столько максимальные данные, сколько умение пользоваться машиной и воля к победе! Вот, например, капитан Г. Григорьев из 178-го ИАП, отражая налеты люфтваффе на Москву, сбил 15 самолетов противника на ЛаГГ-3!» Замполит привёл ещё множество примеров, когда советские лётчики выходили победителями даже в неравной борьбе с фашистами, и сумел развеять возникшие было похоронные настроения.

Первая неделя на войне как будто подтверждала слова замполита — несколько полётов в относительно спокойные участки фронта,

которые двадцатилетние «старики» полка устроили для молодёжи, убедили их, что всё не так уж и страшно, и «мессершмитобоязнь» пошла на убыль. А потом этот вылет парой на сопровождение штурмовиков... Валентин был поражен, увидев, как «мессеры» спокойно и деловито расстреливали самолёты, даже не отвлекаясь на сопровождающие истребители. Но паники не было — появилась холодная, осознанная ярость. Но ярость яростью, а пули всё летели мимо целей.

В училище их учили стрелять только по конусу. Считалось, что этого достаточно. Бывалые лётчики говорили так: «Увидел заклёпки на киле и стабилизаторе — стреляй. А если не видишь — то не стреляй, промахнёшься. Если трасса продолжается после самолёта — значит, не попал, доворачивай. А если не продолжается — значит, попал». По сути дела, это был метод стрельбы «в упор» с расстояния в 80–50 метров, по трассерам, очень затратный по боеприпасам и не всегда возможный метод. ЛаГГ-3, вооруженный 20-мм пушкой, вполне мог стрелять и с намного больших дистанций.

Валентин засел за учебники и сам разработал таблицу стрельб. На тот момент с их самолётов уже сняли воздушные прицелы ПБП-1Б, как не оправдавшие себя. Прицеливаться через них было очень сложно, а при грубой посадке они

повреждали лётчика — тонкая металлическая труба прицела торчала прямо передо лбом лётчика. В авиации их название так и расшифровывали — «прибор, бьющий пилота один раз больно». Пришлось просто наклеить на лобовое стекло концентрические круги из изоленды. Правда, она быстро отвалилась, и Валентин нарисовал круги краской.

Вскоре пришел и первый успех. Они сопровождали штурмовики. На этот раз они шли намного выше своих подопечных, с большой скоростью, двумя парами «змейкой» на пересекающихся курсах. Когда из-за облаков вынырнула шестёрка «худых»⁵ и понеслась к штурмовикам, они спикировали на неё сверху, и Валентин прошил очередью «мессер». Из радиатора «худого» потянулся белый дымок. Вся шестёрка тут же вышла из боя. Валентин и раньше слышал, что немцы не любят принимать бой на невыгодных условиях, но такое самосохранение наблюдал впервые. Это удивляло. Он на их месте полез бы драться. Их было пятеро против двоих — вторая пара была на противоположном фланге.

В нескольких схватках получалось так, что он выходил на «мессеры» в лобовую. Тут ему помог

⁵ Прозвище Me-109.

один приём, который он придумал сам. Отклоняешь немного руль направления и идёшь со скольжением. Немец стреляет, всё мимо, а понять ничего не может. Правда, Соколов при этом тоже ни разу не попал, но всё-таки он был близок к этому.

А в начале марта он столкнулся с теми же «мессерами», при встрече с которыми в первый раз он так бесславно потерял половину своих подопечных и ведущего. Желтые коки винтов и тигры на фюзеляже — спутать их было невозможно.

Валентин, его ведомый и ещё одна пара «утюжили» передний край на высоте трёх километров, якобы прикрывая его от налётов. Деятельность это был глупая и безрезультатная, из-за неё только распылялись силы, но приказ есть приказ. Им приказали — они вылетели. В нарушении приказа Сталина^б они шли почти на максимальной скорости — при появлении «мессеров» оказаться в роли неподвижной дичи никому не хотелось, а фашисты всегда приходили с превышением и на максимальной. Смотрели при патрулировании в основном на запад, за что едва и

^б Был такой приказ, запрещающий на протяжении всего полёта ходить на максимальных режимах.

не поплатились. С востока, со стороны Солнца (дело было утром) к ним скользнула четвёрка истребителей с узкими, вытянутыми фюзеляжами. «Худые»! Валентин развернулся на запад, дал полный газ и с небольшим пикированием начал набирать скорость. Ведущий второй пары, Славка Корсунский, наоборот, развернулся к нападавшим. По радио послышался его голос: «Соколов! Ты куда, трус паршивый! Разворачивайся на врага!» Ведомый Соколова дёрнулся, очевидно, подумал исполнить приказ чужого ведущего, но потом всё-таки решил остаться со своим.

— Делай лучше как я, дурило, — посоветовал Валентин второму ведущему, но тот не стал слушать, выходя в лобовую.

Энергия. «Энергия — вот что надо беречь в воздушном бою», — вот как сформулировал Валентин для себя основное правило выживания. Можно набрать высоту — это потенциальная энергия, её можно потом превратить в скорость. Можно спикировать и набрать скорость — это кинетическая энергия. А вот чего нельзя делать — это терять энергию на резких эволюциях с большими перегрузками. Мотор у их истребителей, конечно, мощный, но не настолько, чтобы разгоняться при одновременном наборе высоты. В лучшем случае он позволяет набирать 16 метров высоты в секунду. Так что если хочешь пролетать

мимо противника со свистом и взмывать после этого свечкой — береги ту энергию, которая была у тебя перед боем. Что у тебя было перед боем — с тем ты и будешь воевать. Всё это Валентин понял, обдумывая бои зимними вечерами. Объяснять это сейчас второму ведущему было некогда.

Вообще-то главным в этом полёте считался Соколов, и второй ведущий проявлял запредельное непослушание приказу. Но Валентин не сомневался, что тот считал себя правым и по возвращении на аэродром обвинит командира в трусости. Но трусостью тут и не пахло — отходя на запад с разгоном, а затем и с набором высоты, Валентин отрезал противнику путь домой и ставил себя в более выгодное положение.

Немцы поняли это как нельзя лучше. Они легко уклонились от лобовой атаки Корсунского и пошли к паре Соколова. Корсунский остался далеко сзади, с потерянной при резком развороте скоростью. На ту высоту, на которой теперь находились Соколов и фашисты, в этом бою он уже не успеет выйти.

Немцы уходили на северо-запад по плавной дуге. Пара Валентина была всё ещё далеко впереди них. Если сейчас сделать горку и выйти в атаку, то они спикируют к земле и уйдут домой — не догонишь. Поэтому Валентин начал закладывать такую же плавную дугу, постепенно отжимая

немцев в сторону востока. И тут фашисты выкинули неожиданный трюк — все вдруг они сделали резкий боевой разворот, потеряв много энергии, и пошли к паре Корсунского! Соколов выругался. План немцев стал ясен — ему придётся уйти с выгодного положения, чтобы отогнать «мессеров» от второй пары, а они после этого развернутся и уйдут. Он опустил нос и начал пикировать на врага, который уже подстраивался к медленно набирающей высоту паре ЛаГГ-3. И тут дали себя знать отличные пикировочные данные ЛаГГ-3, а также то, что Соколов не терял скорость на боевом развороте. Немецкие самолёты начали стремительно приближаться. Первая пара «мессеров» отошла в сторону. «Ага, понятно, на дурачка ловите», — подумал Валентин. Если сейчас увлечься и начать атаковать вторую пару, то эта зайдёт с хвоста и устроит небо с овчинку. Если идти за этой парой, то вторая собьёт Славку.

Валентин отошел чуть выше, намекая на следование за первой парой, и приказал ведомому по радио атаковать пару, следовавшую за Корсунским. Ведомый почему-то атаковать не стал, а пошел за ведущим. Пришлось плюнуть на возможную опасность от первой пары и идти атаковать тех, которые уже зашли в хвост Корсунскому. Соколов успел дать только одну очередь с 500 метров и, естественно, промазал. До

настоящей атаки дело не дошло — убедившись, что Соколов с ведомым идут за ними, на восток, немцы дружно развернулись и дёрнули на запад. Валентин на всякий случай развернулся вслед за ними, но дело было бесперспективным — немцы уходили на максимале со снижением. Не догонишь. Можно было, конечно, попробовать, запас скорости у Соколова ещё был, но гоняться парой за четвёркой над вражеской территорией... «Ну вас к чёрту, таких умелых», — подумал Валентин и развернулся домой. Напряженный воздушный бой, за время которого была выпущена всего одна очередь, занял три минуты.

При разборе полётов оказалось, что ведомый, для которого это был первый боевой вылет, не стал атаковать потому, что в училище их учили, что ведомый должен только прикрывать ведущего, а приказ по радиации не разобрал. Это было похоже на правду — на самолётах ведомых стояли только приёмники, качество связи было ужасным. А Корсунскому Соколов просто дал по шее. Тот всё понял ещё во время боя и остался благодарен.

8 марта 1942 г. Утро.

Это был банный день. Валентин забросил одежду в бак с бензином и с удовольствием залез в жарко натопленную банную палатку. Отмачивать одежду в бензине было отличной идеей — кинул в

бочку, потом вытащил, встряхнул, слегка прополоскал — и стирать не надо. Но не успел он взяться за ушат с водой, как раздался звук взлетевшей ракеты, вслед за которой находившийся в предбаннике техник заорал: «Полундра! Взлетная! Налёт!»

Соколов как был выскочил из палатки и понёсся к самолёту — банную палатку на этот раз поставили недалеко от аэродрома. Не успел он толком набрать высоту, как на аэродром начали ложиться бомбы. Ю-88, около тридцати штук, под охраной двух десятков «мессеров». Взлететь успели только он да ещё два «ЛаГГа», со своей высоты он не видел их номеров. Тройка «мессеров» хищно кинулась к последнему взлетевшему. Проклятые падальщики. Ещё не набравшая скорость машина представляла собой лёгкую цель. И откуда они тут взялись? Погода вроде нелётная. Взлетая, он досадовал на то, как нехорошо всё получилось. И побрился с утра, и сфотографировался (ради фотографии, собственно говоря, и брился). А ведь давно знал приметку — кто перед вылетом побреется или сфотографируется, того собьют.

Часом ранее.

Капитан Штейн начал предполётный инструктаж с неожиданной фразы:

— Сегодня Бог благоволит к нам. Как

докладывают разведчики погоды, с запада на Восток движется атмосферный фронт, так что мы сможет взлететь тогда, когда над русскими аэродромами ещё будет плохая погода. Было бы неправильным, если бы мы не использовали подобную возможность. Потому сегодня наши бомбардировщики идём бомбить аэродром русских. Кстати, лейтенант Трескофф, это те самые истребители, которые оставили отметины на вашем хвосте, так что для вас это как бы личное дело.

Юрген принял информацию к сведению. При расчете манёвров в том бою он никак не ожидал, что ЛаГГ-3 способен попасть выстрелить с 400 метров и попасть. Ранее русские стреляли только с 50 метров, в упор.

Поначалу операция разыгрывалась как по нотам. Они встретили свои бомбардировщики, вышли на русский аэродром. Только три машины успели подняться в воздух. Одну из них, взлетевшую последней, сразу спустило на землю звено оберста Клюге. Бомбардировщики приступили к бомбёжке. Второй взлетевший истребитель русских ушел в сторону от аэродрома, полого набирая высоту, за ним ринулось шесть немецких истребителей. Скорее всего, от него не стоит ждать проблем. И только на один истребитель, взлетевший первым, стоило обратить

внимание. Поначалу он шел как будто навстречу истребителям, выходя в лобовую. Русские очень часто вели себя именно так, когда ситуация становилась для них горячей. Сразу три звена приготовились изрешетить его. А потом он вдруг сделал неожиданный манёвр и оказался сразу среди бомбардировщиков.

Юрген не в первый раз поражался поведению русских. Иногда они вели себя так, будто жизнь им совсем не дорога. У самого Юргена вторым именем было «осторожность». Поэтому он всегда прислушивался к советам опытных людей, даже тех, которые были ниже его по званию. Это умение пришло не сразу. Поначалу, прибыв в полк, он пытался командовать бывалыми фельдфебелями, требовал от них уставного поведения. Но те только смеялись и говорили «отлезь». А потом задавали вопросы «на засыпку». И Юрген всегда «засыпался». Так он и узнал, что в училище им не всегда говорили правду.

В училище говорили, что И-16 — слабая машина. А бывалые лётчики советовали: «Никогда не связывайся с «крысой»⁷, особенно последних моделей, особенно в лобовую. У тебя одна пушка, у

⁷ «Рата» (крыса, исп.) — кличка, прилепившаяся к И-16 ещё в Испании, использовалась немцами и во времена ВОВ.

неё четыре. Максимальная скорость у тебя больше, но ты её не успеешь развить. И-16 намного быстрее разгоняется и превосходит по манёвренности. Русские сильны в высшем пилотаже. Потому никогда не веди манёвренный бой. Стрельнул — уходи. Второго шанса не будет». В училище говорили, что противника следует встречать над его территорией. А опытные лётчики говорили: «Над вражеской территорией надо быть очень осторожным. Малейшая пробоина в радиаторе — и для тебя война окончена. Потому стрельнул — уходи. Русским на «крысе» хорошо, она может лететь, даже если отстрелить ей два цилиндра. А у тебя мотор водяного охлаждения, он очень уязвим. Пусть вражеские бомбардировщики бомбят пехоту, пусть противник собьёт один — два твоих бомбардировщика. Ты сделал всё, что мог. Если ты вернёшься, ты сможешь в следующие разы уничтожить противника на намного большую сумму. Если ты начнёшь проявлять глупый героизм, то ты не сможешь этого сделать. Ты стоишь дороже».

И Юрген всегда следовал этим советам. Те ребята, которые не следовали, остались под Ельней и Смоленском.

Русские же всё делали наоборот. Они вполне могли парой врубиться в строй сорока бомбардировщиков, прикрываемых десятками

истребителей, сбить три — четыре машины, а потом, все изрешеченные, уходили на свою территорию. Они вполне могли атаковать парой шестёрку, зайти в лоб и сбить одну, а то и две машины. Самое удивительное, что такая тактика приносила пользу. Имея катастрофическое неравенство сил, он ухитрялись таким образом выполнять задачу: не допускать бомбардировок своих войск, защищать свои бомбардировщики и уничтожать чужие истребители — при этом гибли даже опытные немецкие пилоты, что было намного хуже, чем потеря самолётов. Опытных пилотов в Германии не хватало.

Вот и сейчас — отчаянный русский истребитель — одиночка вклинился в строй бомбардировщиков и сразу подбил один. Остальные прыгнули в разные стороны, прицельное бомбометание сорвано. Придётся спускаться и разбираться самому... Четвёрка Трескоффа опустила носы и пошла на защиту бомбардировщиков.

Валентин Соколов набирал высоту и лихорадочно соображал. Плотный строй 88-ых — опасная цель. Не подступишься, они все пулемётами утыканы. Два десятка «худых» сверху — ещё хуже. Впрочем, о них пока можно не думать — главное, сорвать бомбардировку. Тут ему

пришла в голову оригинальная идея — изобразить нападение на истребители, а вместо этого погонять бомбардировщики. Уже выходя в атаку, он подумал, что немцы в такой ситуации, пожалуй, даже не взлетали бы, и что только советские люди способны на такие дела. «Для нас главное — это решить задачу, — думал Соколов, — поэтому мы и не гоняемся за одиночными самолётами, как немцы, а выполняем её, как правило. При сопровождении бомбардировщиков мы подставляем им «жертву», и они вместо перехвата идут за лёгкой целью... пока наши бомбардировщики выполняют задачу. При перехвате бомбардировщиков мы боремся с бомбардировщиками любой ценой, а не гоняем истребители ради личного счёта. Поэтому мы победим...»

Ненамного превысив Ю-88, он сделал поворот через крыло и свалился прямо в середину строя. Небольшая скорость, которую он набрал после взлёта, оказалась на этот раз полезной: он шел наравне с бомбардировщиками. Перед прицелом как-то сам собой оказался чужой самолёт. Стрелок от неожиданности даже не успел выстрелить, зато Соколов нажал не гашетки изо всех сил. Как минимум четыре 20-мм снаряда попали в цель — бомбардировщик развалился в воздухе. Остальные потеряли строй — пилоты инстинктивно взяли в сторону. Валентин удивился

тому, что их стрелки не стреляют, а потом понял, что они боятся попасть в своих. Нахождение среди строя гарантировало ему некоторую безопасность. Зато он мог стрелять — и ещё один «88-ой», задымив, пошел к земле. Соколов с разворота обстрелял ещё один бомбардировщик, но промахнулся, добился только нескольких пробоин на фюзеляже. Тут стрелки проснулись и решили начать стрелять в режиме «будь что будет», но Соколов их опередил: он сначала перевернулся и ушел в крутое пики, а затем перевернулся ещё раз, сделал «горку» и оказался точно под днищем очередного «88-ого». Очередь разрежала самолёт пополам.

Прямо по курсу вспух разрыв зенитного снаряда. Далеко, зенитчики побоялись сбить Соколова, но себя обозначили: дальше будет хуже. Бомбардировщики решили, что сегодня не их день, неприцельно побросали бомбы и развернулись домой. Валентину этого было достаточно, после «горки» скорость у него была почти нулевая. Но неприятности на этом не кончились: с неба на него уже пикировала четвёрка «худых». Тех самых, с желтыми коками. Единственное спасение — это уходить к земле и, маневрируя в складках местности, постепенно набирать скорость, чтобы уравнивать свои возможности с противником. Вот только скорость была очень мала! Он отчаянно

маневрировал, но даже не успел дойти до земли, как по фюзеляжу хлестанула очередь. Бронеспинка кресла получила удар, но выдержала. Из радиатора потянулся беленький дымок. Четвёрка, расходясь парами в разные стороны, как на параде, отправилась на новый заход. Их слишком большая, набранная при пикировании скорость давала Валентину передышку — пока они её погасят, пока пристроятся в хвост...

Мысль работала чётко. Если пошел белый дымок из радиатора — значит, в запасе всего несколько минут до того момента, как двигатель перегреется и встанет. Машину не спасёшь — сядешь на аэродром, расстреляют с воздуха. Решение пришло молниеносно. Валентин заложил крутой вираж, теряя последнюю скорость, и на последних остатках управляемости навёл нос самолета на ведущего левой пары. Очередь оказалась точной — машина перевернулась и задымила. Валентин удовлетворённо перевернулся, сбросил фонарь и приготовился прыгать. И только тут вспомнил, что в спешке взлёта под бомбами не застегнул ремни парашюта. А сверху уже заходила вторая пара «мессеров».

Валентин перевернулся обратно и попытался развернуться, чтобы встретить «мессеров» в лобовую. Безуспешно — слишком много скорости он потерял при своём отчаянном повороте.

«Худые» уже заходили в атаку. Первый снаряд попал в двигатель, второй — в крыло. Машина, получив попадание, перевернулась. Руку обожгло болью. Двигатель встал. Оставалось только идти на вынужденную, но машина почти не слушалась рулей. А «мессера» заходили на новый круг...

Юрген Трескофф успешно атаковал вражеский истребитель — машина получила попадания, полетели куски обшивки, за самолётом потянулся след. Он начал разворачиваться на следующий заход. Он был доволен и спокоен. Сейчас они расстреляют этого нахала, как в тире... у него нет никаких шансов. Других истребителей в воздухе тоже нет. И тут его машина получила попадание и перевернулась. Двигатель задымил и загорелся. Левая рука и нога перестали слушаться. Юрген удивился. Такого не могли быть. Неужели он пропустил врага? Он оглянулся. В воздухе никого, кроме ведомых, не было. Его подбил тот самый единственный отчаянный русский истребитель. Это было безумно. Это было нерационально. Русскому сейчас следовало нестись к земле, выпрыгивать с парашютом и сверлить дырки для ордена. Вместо этого он набрал высоту, потерял остаток скорости и расстрелял Юргена. Это было настолько против всех правил профессии, что Юргену даже стало обидно. Зачем он это сделал?

Теперь ведомые Юргена расстреляют его в воздухе даже до того, как он успеет выпрыгнуть. Безумие. Сплошное безумие.

Юрген попытался выровнять машину, но сил уже не было. Машина, опуская нос, разворачивалась к земле.

И тут рядом с кабиной опять появилась валькирия. Она летела рядом с самолётом, едва не касаясь фонаря, в перевёрнутом положении, как и Юрген.

— Я уже умер? — спросил Юрген. Удивительно, но валькирия его услышала сквозь остекление фонаря и грохот двигателя.

— Нет, но скоро умрешь. Вряд ли ты сможешь управлять этой машиной, а она падает. Кроме того, я пока перекрыла кровотечение, но едва я его отпущу, как ты потеряешь сознание. У меня есть к тебе предложение. Нам нужны умные люди и хорошие бойцы. Но ты никогда не увидишь своих родственников и не сможешь поговорить с ними. Зато у тебя будет долгая и интересная жизнь. Согласен?

— Ты унесёшь меня в Вальхаллу?

— Нет, это вполне человеческая организация. Земля приближалась.

— Я согласен.

В следующую секунду неизвестная сила сбросила фонарь и выдернула Юргена из самолёта.

Он потерял сознание.

Машина не слушалась. В глазах темнело, как при поднятии штанги. Валентин начал опасаться, что не долетит до выбранного им для посадки поля. Впрочем, об этом можно было не беспокоиться: «мессершмиты» уже выходили на линию огня. И тут рядом с самолётом возникли два подростка, сидевшие на метле точь-в-точь, как ведьмы из сказок, только двое на одной метле.

— Так себе денёк? — спросил тот, что сидел вторым, а затем выругал первого:

— Васёк, держи меня рядом с ним, болтает, как собачий хвост!

Сидевший впереди подросток не остался в долгу:

— Так его самого мотает, что я могу?

— У нас к тебе есть предложение. Ты, скорее всего, сейчас разобьёшься. А нам нужны сообразительные парни и хорошие бойцы. Но ты никогда не увидишь своих родственников и не сможешь поговорить с ними. Зато у тебя будет долгая и интересная жизнь. Согласен?

— А как же вы меня вытащите? — удивился Валентин.

— Материалист несчастный! Да согласен он, согласен, — закричал первый подросток, — заканчивай тормозить, вытаскивай его, он уже

падает!

Неведомая сила выдернула Валентина из самолёта, и он с удивлением обнаружил, что прыгает по земле, как резиновый шарик, точнее сказать, как будто он находился внутри прозрачного резинового шарика. При этом он совершенно не чувствовал ударов и ускорений. А потом потерял сознание.

В землю врезались два истребителя, в которых уже не было пилотов. Их тела поисковая команда так и не найдёт.

Глава 2. Таинственное приглашение

Россия, школа магии Палеарсия.

05 июня 1942 года.

Далеко — далеко на севере, среди бескрайних лесов и бесчисленных синих озер, в небольшой долине между холмами, к небу вздымаются острые шпили великолепного замка. Случайный путник, увидев этот замок, был бы очень удивлен, узнав, что внутри этого шедевра архитектуры прячется школа магии. Впрочем, никакой случайный путник увидеть эту школу не смог бы — ещё на дальних подходах к школе стояли сбивающие, уводящие и затуманивающие разум заклинания. При попытке приблизиться любой человек (и даже маг) вскоре

обнаружил бы, что стоит очень далеко от того места, где начинал путь, и совсем не там, где хотел бы оказаться.

Только преподаватели и ученики школы знали, что школа в действительности называется «Палеарсия». Весь остальной мир знал школу под другим именем, больше похожем на грохот катящихся камней. Неблагозвучное название, похожее на грохот камней, в незапамятные времена было специально придумано для внешнего мира. Это было сделано с той целью, чтобы школу было невозможно найти с помощью магии, обнаруживающей имена. С тех пор для защиты школы были наложены десятки и сотни заклинаний, и надобность в двойном наименовании давно отпала, но традиция двух имён осталась и свято соблюдалась как преподавателями, так и учениками школы.

Июнь — время последних экзаменов для выпускников школы. Семнадцатилетние выпускники школы, успешно сдавшие экзамены, могли надеяться попасть на службу в Министерство Магии, в самые престижные отделы — управления, хранения тайн или даже в отдел борьбы с тёмными искусствами — своеобразную службу безопасности магического мира. Те, кто относился к учёбе более прохладно, могли поступить на работу в различные миссии — магических существ и растений, которые

надо было изучать или сдерживать, чтобы они не попадались на глаза представителям не-маговского мира, хватало. Желающие могли просто отправиться по домам для того, чтобы вести там изобильную и приятную жизнь, создавая себе магией всё, что необходимо для жизни. Большинство выпускников школы были вполне довольны предстоящими перспективами и не думали ни о чём другом. (Впрочем, кое-кого волновали любовные переживания или даже предстоящие свадьбы).

Так было и в июне 1942 года, и только один выпускник школы, Александр Веселов, не находил себе места. Он валялся на своей койке и предавался самым мрачным размышлениям. Комната, в которой он предавался меланхолии, была невероятно красива, правда, в стиле её оформления проглядывало кое-что и от духа мрачного величия. Впрочем, комнату это совсем не портило, даже наоборот, мрачновато — возвышенный стиль жилых помещений настраивал на серьезное отношение к жизни и упорную учебу. По этой причине именно этот стиль был выбран руководством факультета для жилых комнат. Остальные помещения школы были украшены иначе — в их оформлении чаще присутствовали золотистый, красный и лазурный цвета, поверх которых обычно накладывались белоснежные

резные узоры из дерева или лепнины.

Строго говоря, никаких причин печалиться у Александра не было. Жизнь у Александра не обещала ему никаких печальных перемен. Он с успехом заканчивал одну из лучших школ магии. Позади остались экзамены и по заклинаниям, и по зельеварению, и даже страшные превращения были сданы на «отлично». Впереди оставался только экзамен по истории магии, но это был тот предмет, который Александр любил и который был готов сдавать даже без подготовки. Впереди у него была вся жизнь, причем не изобилующая печалью и тревогами жизнь обычного человека, а жизнь искусного мага, способного обеспечить себе комфорт и изобилие на пустом месте при минимуме усилий. И всё-таки Александр печалился и нервничал. В старинных книгах такое состояние называется «не находил себе места». Эти слова как нельзя лучше подходили для описания состояния нашего героя. Александр действительно не находил себе места в будущей жизни.

Можно было отправиться жить в один из тех поселков, где маги безбедно и безопасно проводили свои дни в полной изоляции от немагов, создавая себе магией всё, что им нужно было для жизни. Но такой образ жизни казался ему слишком простым. Похоронить себя в домашних заботах, в уходе за детьми, — эта перспектива вызывала у него ужас.

Когда-нибудь, когда ему всё надоест, он, возможно, и согласится на такую жизнь... но пока ему было больно даже подумать о таком будущем. Такая жизнь казалась ему слишком простой, слишком скучной.

Можно было устроиться на работу в одну из служб министерства магии, например, пойти в отдел борьбы с тёмными искусствами, но политика министерства ему не очень нравилась. Сдерживание различных упырей и хулиганов — это, конечно, нужное занятие, но ведь, кроме этого, министерство ничего не делало! Тёмные маги могли набирать себе сторонников пачками и устраивать любые ужасные катаклизмы — министерство следило лишь за тем, чтобы они не преступали закон и не передавали знания о магах простым людям. Сутью происходящего никто как-то не интересовался. Вот и сейчас, когда тёмные маги устроили «веселую» жизнь всей Европе, как магам, так и немагам, министерство следило только за тем, чтобы противостоящие группировки не передавали немагам волшебные предметы.

Некоторые маги, из тех, кто был совсем беден, выступали в цирках и делали вид, что всё, что они делают, это просто фокусы. За это неплохо платили. Даже такая работа казалась Александру предпочтительнее, чем служба в министерстве.

Хотя бы весело... Впрочем, такой работой он никогда не занялся бы.

Одним словом, состояние у Александра было хуже некуда. Он был почти всемогущим (во всяком случае, ему так казалось), но не мог ничего сделать. Он не знал, ни что делать, ни зачем.

Его товарищи по комнате, весёлые друзья детских игр, такими проблемами не страдали. Один из них собирался работать с драконами, второй мечтал изучать волшебные растения Средиземного моря, третий подал документы в службу безопасности. Его сомнения они уважали, но не разделяли. С их точки зрения, все проблемы Александра проистекали от того, что он был слишком богат. Они ему немного завидовали. По их мнению, ему надо было просто выбрать себе какое-нибудь хобби и приятно заниматься им всю жизнь. Александр с ними не был согласен. Ему хотелось понимать и контролировать всю суть происходящего, а вместо этого школьное образование дало ему только ограниченный набор магических заклинаний. Они, конечно, были очень полезными, но за их границами осталось что-то главное. В частности, так и осталось неизвестным, кто и когда создал эти заклинания.

Как-то раз на уроке превращения предметов Александр спросил у одной из наиболее уважаемых им преподавательниц, у Натальи Владимировны

Румянцевой, кто же создает эти заклинания? Вместо ответа — впервые на его памяти! — профессор ответила ему вопросом на вопрос. Она устремила на него взгляд сквозь линзы своих огромных очков и поинтересовалась, почему его интересует этот вопрос? Александр тогда вспыхнул и высказался в том духе, что для человека главное — это уметь понимать последствия своих действий, а вместо этого их тут учат каким-то ремесленным приемам, почти так же, как медведей учат ездить на самокатах. Профессор Румянцева не стала отвечать, с загадочной полуулыбкой сказала только, что со временем этот вопрос станет для него ясным. Так проблема с происхождением заклинаний и осталась открытой.

И вот солнечным июньским днем Александр валялся койке, в который раз припоминая известную ему картину мира, и старался найти себе в ней сколько-нибудь стоящее дело. Он только начал продвигаться по своему ежедневному пути от упорной решимости до глухого отчаяния, когда случилось неожиданное событие. В окно их комнаты постучали, и этот стук не был робким стуком почтовой совы. Это был грохот огромного вороньего клюва. Александр вскочил и подошел к окну. Огромный черный ворон даже не удосужился зайти в комнату. Он посмотрел на адресата сначала правым, затем левым глазом, а потом взял клювом

прикрепленное к ноге сообщение и кинул его в комнату. После этого ворон откинулся спиной назад, и, не раскрывая крыльев, начал падать. Александр удивленно выглянул в окно. Ворон пролетел несколько метров, набирая скорость, а затем раскрыл крылья и с пологим виражом ушел к одному ему известной цели. Александр впервые видел, чтобы кто-нибудь использовал ворона в качестве почтовой птицы, как, впрочем, он впервые видел и ворона, владеющего высшим пилотажем. На его памяти, все птицы сначала подпрыгивали вверх, а затем, лихорадочно молотя крыльями воздух, начинали понемногу набирать высоту и скорость.

Полученное сообщение оказалось не письмом, а громовещателем. Очень тихим громовещателем. Как только Александр взял его в руки, громовещатель развернулся и очень тихо произнес: «Ваши стремление познавать суть явлений и изучать волшебство будет исполнено. Вы приняты в университет волшебства Китеж. Вам надлежит быть у причала северного речного вокзала города Москвы 1-го сентября 1942-го года в 18.30. Причал десять с половиной. Пожалуйста, никому не рассказывайте об этом приглашении. Наш человек свяжется с Вами и разъяснит все необходимые вопросы». У Александра было такое ощущение, будто звук идет по его рукам прямо в мозг. Ему

даже подумалось, что если бы рядом с ним был кто-нибудь еще, то он ничего не услышал бы. После того, как послание было произнесено, громовещатель тихо вспыхнул и сгорел почти без пепла. Как и положено громовещателям.

Александр был удивлен до предела. Никто и никогда в магическом мире не слышал об университете магии. Школы магии существовали, и в них учились почти все маги. Английская школа, европейская школа... Была своя магическая школа и в Азии, и в Южной Америке. Но университет? Про университет не слышал никто и никогда. Александр был удивлен больше, чем ребенок какого-нибудь немага, получивший в 11 лет почтовую сову с приглашением в школу магии. Оставалось ждать визита обещанного представителя университета.

Следующую неделю Александр вглядывался во всех встречаемых, старательно выискивая незнакомых: не этот ли человек идет, чтобы рассказать ему об университете? Но незнакомых людей в школе не было. Школа хорошо охранялась, в эти опасные времена доступ чужакам в школу был закрыт. Навстречу Александру попадались либо преподаватели, либо ученики школы, оживленно обсуждающие подробности будущего выпускного бала. Человеком университета оказалась та, от которой Александр ожидал этого

меньше всего. Неслышно подойдя к нему сзади в людном коридоре, профессор Румянцева шепотом спросила:

— Александр! Полагаю, вы уже получили приглашение из Китежа?

Александр был настолько удивлен, что смог только кивнуть.

— Я очень рада за вас. Университет Китеж — это такое место, в которое действительно стоит попасть. Там очень интересно, а перспективы роста просто захватывающие. Формально вы будете числиться в министерстве магии, в архивном отделе. Так вы и скажете своим родителям и друзьям. Если будут смеяться, скажите, что там неплохо платят, а главное — открывается блестящая карьера. Архивариусы необходимы всем руководителям как знатоки в мире информации. Они быстро растут сначала как помощники руководителей, а затем становятся начальниками отделов — доверенными лицами высших руководителей.

— А что, это и правда так?

— Нет, это легенда. Просто в архивном отделе работает много сотрудников, вас там легче спрятать. Кроме того, это даёт некоторые дополнительные возможности. Куда подать документы, я вам потом сообщу. И никому не рассказывайте об университете. Это самая большая

тайна волшебного мира. Её разглашение карается самым строгим образом.

— Обещаю, — едва смог вымолвить Александр. Под одним таинственным миром скрывался другой, ещё более таинственный! И Александр в него попал. Он посмотрел на других учеников школы — ему было жалко, что они об этом не узнают. Впрочем, это было вполне закономерно. Как они смеялись над ним, когда он ходил и ругался на то, что их учат очень поверхностно! А теперь он уходит в другой, более глубокий мир, а они так и останутся на поверхности, едва владея сотней — другой простеньких заклинаний. Жалко, конечно, но тайну раскрывать нельзя.

Последний экзамен он сдал на «отлично», да никто и не ожидал другого. Выпускной бал был красочен и великолепен, но Александр его едва заметил. Как-то не получалось беззаботно веселиться в то время, как на фронтах гибели миллионы немагов, а все магическое сообщество сидело по домам и пускало в дом своих родственников только после пристрастного допроса об их любимом варенье и последних сказанных фразах. Все боялись того, что под обликом родственников в дом проникнут темные маги, принявшие обратное зелье, и убьют всю семью. И

всё равно газеты чуть ли не ежедневно приносили известия о новых убийствах. Темные маги вербовали сторонников и подданных, а сопротивлявшихся убивали целыми семьями.

Визит в министерство магии, вход в которое располагался на одной из неприметных московских улиц в традиционной телефонной будке, не произвёл на Александра никакого впечатления. Он попал в министерство через один из боковых входов, и не видел ничего, кроме коридоров и чиновников за работой. Пожилой дядька с брюшком помог ему заполнить документы, зафиксировал их поступление в огромную книгу, пожелал успеха и потерял к нему какой-либо интерес сразу после того, как поставил последнюю точку. Было даже немного обидно. Всё-таки это его первая работа!

Зато мама была счастлива. Она получила своего сына на целых два месяца! Волшебная палочка так и мелькала по кухне, ложки и кастрюли не успевали выполнить все те приказы, что сыпались на них из палочки. Мама старалась накормить любимого сыночка своими самыми вкусными изделиями, и Александр начал опасаться, что лопнет. Когда вдобавок к интенсивному откорму мама добавила ещё и список семей, которые обязательно надо было посетить с визитами, и в которых, по странному совпадению,

обязательно были девицы на выданье, Александр взвыл от этого счастья и на неделю сбежал с товарищами в поход по речке.

Пара разбитых плоскодонок, взятая на прокат у деревенских мужиков за три бутылки водки, унесла их в глубину тамбовских лесов, туда, где не было ни одной человеческой души.

Деревня, в которой находился замок Веселовых, находилась в Тамбовской области. Для того, чтобы остальные немаги не совались лишней раз в эти места, это место было оформлено, как бобровый заповедник. Это была одна из тех деревень, в которых маги проживали рядом с принесшими обет неразглашения людьми — немагами. Со стороны это поселение, должно быть, смотрелось очень забавно, — островерхие замки и коттеджи магов с одной стороны, крытые сеном деревянные избушки немагов с другой. С одной стороны — мостовые из булыжника, с другой стороны — асфальт. Булыжник был со стороны магов, да такой ровный, что ему позавидовал бы любой асфальт. Впрочем, асфальт у немагов появился тоже не без помощи магов. В Тамбове, областном центре, и то далеко не все улицы были заасфальтированы, а про соседние деревни и говорить нечего. В дождливые дни даже трактора не решались соваться на их проулки.

Фашисты не дошли до их мест, только один

раз ребята видели, как высоко в небе прошло звено бомбардировщиков, бомбить Ртищево, крупный железнодорожный узел.

Мальчишки, его ровесники, только что закончили школу, они очень гордились своими значками ГТО, своей силой, а также тем, что скоро пойдут на фронт и будут бить фашистов. Они были из семей немагов, из тех семей, которые дали соглашение на лояльное проживание рядом с магами, но в остальном они были обычными советскими мальчишками. Точнее, уже мужчинами. Александр смотрел на них и немного завидовал их простой жизни. Знать бы, чему его будут учить в этом университете! Он чувствовал, что до конца лета просто изведётся.

Папочка оставался таким же, каким был всегда. Александр, сколько себя помнил, всегда видел отца за работой, в его мастерской — пристройке, где отец изобретал различные устройства. Его отец был конструктором магических устройств. Работал он прямо на дому, только иногда перемещался в головной офис фирмы для совещаний или для сдачи готовой работы. Работы у отца всегда было много, работу он любил и пропадал в своей мастерской дни и ночи. Танцующие фонтаны, замозатачивающиеся ножи и летающие мячи для игры во флайбол

(летающие мячи), как и многие другие предметы, нужны были всем. Пусть с производством изделий в магическом мире проблем и не было, а то, чего не могла сделать магия, доделывали трудолюбивые эльфы, но ведь сначала кто-то должен был всё это придумать, и так, чтобы всё это работало и не взрывалось. Заказов у отца всегда было очень много.

Александр многому научился у отца. В частности, тому, что успех дела определяют детали и подробности. Как-то раз отец ввел его в курс учения о точности и жесткости деталей. За привычным с детства обликом обычных вещей обнаружился целый мир таких подробностей, о которых Александр и не подозревал. Александр с детства привык считать вещи твердыми и неизменными. Оказалось, что на самом деле все вещи дышат и изменяются. От температуры и влажности твердые на вид предметы увеличивались и уменьшались. Оказалось, что существует целая наука о том, как сделать так, чтобы вещи со временем не разрушались от этого «дыхания». Изделия из некоторых материалов надо было делать так, чтобы они вплотную подходили друг к другу, а из других материалов, наоборот, делать так, чтобы у них оставался зазор для микроизменений. Мало того, оказалось, что одни материалы «любят» друг друга и никогда не ржавеют в паре, а другие надо

было обязательно друг от друга изолировать. Мало было просто сконструировать фонтан или кран, надо было ещё и сделать так, чтобы он служил долго, десятки и сотни лет. Александр с детства любил наблюдать, как отец колдует над своими изделиями, по десятку раз разбирая — собирая их и прогоняя через циклы нагревания или старения в специальном шкафу.

Оборудование отца занимало целую пристройку к их фамильному замку, который возвышался над соседней деревней. Отец занимался своими изобретениями не ради денег, денег у их семьи было достаточно ещё с незапамятных времен. Ему это просто нравилось.

Различные уполномоченные, иногда наезжавшие из райцентра в деревню, которая числилась колхозом, видели на месте замка и других домов магов лишь пустыри, поросшие бурьяном. Впрочем, они к ним и не приближались. При попытке приблизиться они чувствовали неприятный холодок на коже, и откладывали осмотр этой части колхозного хозяйства на следующий раз, который никогда не наступал.

Немаги деревни очень много выигрывали от соседства с магами. Отличное здоровье, прекрасные урожаи, множество забавных развлечений и добрые отношения в деревне стоили тех небольших налогов, которые немаги платили магам

продовольствием и деньгами. Во времена, когда в соседних колхозах люди иногда умирали от голода, амбары у крестьян деревни ломались от запасов. Различные уполномоченные и проверяющие из райцентра, заглянув в амбары, видели лишь пустоту и кучки мусора на полу. Об этом тоже заботились маги.

Как-то раз, наблюдая за работой отца, Александр высказался в том духе, что не представляет, как он смог бы работать над конструкцией очередного танцующего фонтана в такие страшные и критические времена, как те, которые им приходится переживать.

— А времена всегда критические, судьба будущего всегда решается, знаешь ли, именно в данный момент, — спокойно ответил ему отец, поднимая на него свою красивую, лобастую голову, — тех, кто способен нагнетать панику и бояться за будущее, всегда много, а тех, кто способен терпеливо осваивать какое-нибудь искусство, всегда мало. Кстати, как ты планируешь повлиять на будущее, работая архивариусом? Может, лучше не будешь становиться чиновником, а попытаешься освоить магическую технику? Это направление почти никак не разработано. Или архивариус — это только прикрытие?

Александр испугался раскрытия тайны и

что-то залепетал про то, что у архивариусов быстрый карьерный рост, после чего они смогут определять судьбы мира. Отец хмыкнул и вернулся к работе, а Александр почувствовал, что слова отца произвели на него впечатление удара. Ему всегда казалось, что судьбы мира зависят только от него, и что необходимо решать их немедленно, иначе произойдет что-нибудь ужасное. Он и не представлял, что к жизни можно относиться вот так, с позиции освоения искусства. Несколько недель он даже посомневался, а не последовать ли совету отца, но затем собрал рюкзак и отправился на причал десять с половиной.

Разжигаемый любопытством, Александр перенесся прямо в парк у речного вокзала на целый час раньше положенного срока. Он надеялся, что за этот час сможет найти хоть кого-нибудь, кто расскажет ему об университете.

Причалы речного вокзала, обычно заполненные прогулочными катерами и грузовыми баржами, были пусты. Реку перегораживали лодки, поверх которых были уложены щиты с маскировочными рисунками. Для обмана немецких пилотов реку спрятали под щитами.

Только у причала десять с половиной стоял, как и ожидалось, пассажирский корабль, стилизованный под колесный пароход девятнадцатого века. Что было весьма неплохо! В

школу магии их обычно возил корабль, стилизованный под средневековый парусник, и комфорт там был соответствующим.

На причалах было пусто, людей и других студентов не наблюдалось. У десятого причала стоял невысокий молодой мужчина в форме сержанта танковых войск. Поначалу Александр принял его за взрослого. Широкие плечи, уверенная осанка. Только присмотревшись, он понял, что мужчина совсем ненамного старше его. Когда Александр приблизился, незнакомец спросил:

— Не подскажете, где находится причал десять с... с...? — дальше незнакомец говорить явно постеснялся.

— С половиной? — договорил за него Александр.

— Да, — с видимым облегчением выдохнул сержант, протягивая руку для знакомства, — а вы тоже едете в Университет Китеж? Меня зовут Василий. Вася.

Пожимая руку, Александр обратил внимание, что от левого глаза у Василия идет длинный шрам. «И зачем надо было одевать форму? — недоумённо подумал Александр, — Понятно, что мы пытаемся выглядеть, как немаги, но в военное время каждый же патруль приставать будет?»

— Александр. Впервые здесь, да? Должно быть, вы учились в другой школе, и не знаете

наших штучек? Это очень просто. Надо всего лишь смотреть на него краем глаза. Тогда отвод глаз не сработает.

Василий последовал совету и издал еще более удивлённое восклицание. Очевидно, пароходик он до этого не видел.

— Пойдёмте, — Александр повел нового знакомого на борт корабля.

Глава 3. Секретарь и министр

Россия, Москва.

Июль 1942 г.

Генеральный Секретарь Коммунистической партии находился в своем кремлёвском кабинете. Стрелки часов приближались к полуночи. Рабочий день подходил к концу.

Он откинулся на спинку высокого кресла и расслабился. Он мог собой гордиться. Упорные усилия, предпринимаемые всем народом под руководством Коммунистической партии, с немалой долей его личного участия, дали свои плоды. Производство вооружения нарастало стремительными темпами. Далеко в тылу, за Уралом, формировались новые, мощные дивизии, вооруженные самым современным и эффективным оружием. Через два — три месяца они взломают оборону фашистов, через пять — шесть месяцев

фашистский Берлин станет советским Берлином. У фашистов больше не осталось ресурсов. Этот дурачок, Гитлер, не знает простой арифметики. Затевая авантюру на Востоке, он даже не потрудился подсчитать свои ресурсы. У него нет ни стали, ни топлива, ни пороха. Им просто нечем будет сражаться.

От размышлений Генерального Секретаря отвлёк телефонный звонок. Звонил единственный телефон, на котором не было герба Советского Союза. Товарищ Генеральный Секретарь знал, что это за телефон и кто может по нему звонить. Этот телефон был необычен не только тем, что у него не было обязательного герба. Кроме этого, он ещё и не был подключен к телефонной линии. Кабель, который выходил из телефона, уходил в стол и заканчивался ничем. Такие же телефоны стояли и в его загородной резиденции, и в подземном бункере — бомбоубежище. Звонили они очень редко, в среднем один раз в два года.

— Министр магии просит господина Генерального Секретаря принять его, — донеслось из трубки, когда Генеральный Секретарь поднёс её к уху.

— Прошу вас, — ответил хозяин кабинета, затем снял трубку другого телефона и коротко приказал: «Ни с кем не соединять никого не впускать».

История появления этих телефонов в его кабинете была очень старой и очень удивительной. Все началось в декабре 1917 года, когда он, тогда еще не Генеральный Секретарь, а почти никто, как он сам называл себя в письмах к жене, «секретаришка», попал в Зимний Дворец, в кабинет свергнутого императора. Стоило ему ненадолго остаться в кабинете одному, как со стены к нему обратился портрет, изображавший какого-то старика в парике. Ещё в семинарии он прочел множество историй про то, как нечистая сила искушала святых, являясь к ним под разными обличиями, и его реакция была молниеносной, почти автоматической. Если бы в этот момент в комнату вошел кто-нибудь из его товарищей по партии, то он был бы очень удивлен, увидев, как будущий генеральный секретарь творит молитву «Святой Боже, помилуй мя». Но никто в комнату тогда не вошел, и, как заверил его портрет со стены, в ближайшее время не войдёт.

То, что сказал ему человек с портрета, было ещё более удивительным. Оказывается, рядом с обычными людьми жил целый мир магов. И у них даже был свой министр магии. И именно этот министр просил его сейчас о встрече. Генеральный Секретарь согласился, поскольку не видел способа отвертеться от встречи, но мысленно приготовился к тому, что вместо магов сейчас встретится с

нечистой силой. Первое время его подозрения оправдывались. Министр магии появился в зеленом пламени, во вдруг вспыхнувшем камине, вращаясь, как волчок, и выпал на пол совсем не торжественным образом. Но затем разговор пошел об очень прозаических вещах, о продовольствии, об обеспечении порядка, и Генеральный Секретарь даже начал допускать мысль о том, что это не притворяющиеся черти, а действительно министр магии. Тем более, что министр магии никак не отреагировал на то, что Генеральный Секретарь потихоньку три раза его перекрестил.

Министр магии говорил, что иногда им придётся совершать некоторые совместные акции, в тех случаях, когда будут иметь место различные катастрофические события, или когда события в магическом мире будут нуждаться в прикрытии со стороны немаговских властей. Министр просил отнестись к таким проблемам с пониманием и обеспечить его людей соответствующими пропусками, форменной одеждой и информацией, иногда, может быть, потребуется выставить оцепление проблемного района.

— Мы прикладываем все усилия для поддержания порядка, но такое иногда бывает, знаете ли, — печально произнёс министр магии, покачивая головой, — восстание гоблинов, появление драконов, эпидемии болезней

магической природы...

Печальный вид министру магии совсем не шел. Он был молод, ненамного старше самого Генерального Секретаря.

— Почему вы разговариваете со мной, а не с ведущими лидерами страны и партии, — Лениным, Троцким, Бухариным? — спросил тогда министра магии будущий Генеральный секретарь.

— Мы не вмешиваемся в политическую жизнь людей, — заверил его министр магии. Но сразу после этого предрёк, что именно он со временем станет Генеральным Секретарем. И это при том, что будущий Генеральный Секретарь не был русским и даже говорил по-русски с акцентом. Он сам тогда ещё даже не помышлял о том, чтобы стать первым лицом в стране и в партии.

— Вынужден с прискорбием заметить, что остальные, — увы! — не очень серьёзные люди. Они больше любят себя в политике, чем реальное дело. У них нет ответственности. Такие долго не продержатся. А Ленин вскоре умрет. У него со здоровьем не очень... Вы, по сути дела, единственный кандидат. Смею заверить вас, что мы будем тревожить вас только в случае самых неотложных обстоятельств.

— Хорошо... только нельзя ли вместо портретов и каминов придумать что-нибудь посовременнее? Правительство вскоре переедет в

Москву, в Кремль, а там везде паровое отопление. И ещё, я не могу держать в кабинете много портретов. У нас это считается буржуазным пережитком.

После короткого разговора маг исчез в камине таким же чудным образом, как и появился. Через некоторое время министерство магии выполнило просьбу и прислало три телефона, которые не требовали подключения к проводам. Так на столах Генерального Секретаря появились эти телефоны.

Звонок этого телефона почти наверняка означал неприятности. За время, прошедшее со времен Революции, он звонил десять раз, и только в одном случае этот звонок не предвещал немедленной беды. В тот раз министр магии появился в приподнятом настроении и сообщил, что у них будет большой праздник, с большим фейерверком, и просил устроить аналогичные салюты в немаговских городах, для отвлечения внимания. Во всех остальных случаях министр магии появлялся только для того, чтобы сообщить о различных ужасах, среди которых появление чудовищ, способных съесть население целого района, было не самым страшным.

В комнате раздался хлопок. Министр магии появился прямо перед столом Генерального Секретаря и тяжело опустился в заботливо приготовленное кресло.

— Здравствуйте, Вадим Семёнович, — приветствовал его Генеральный Секретарь, — чем напугаете на этот раз?

За долгие годы знакомства Генеральный Секретарь уже привык к этому человеку и считал его почти своим. Во всяком случае, он не строил козней и не угрожал ему немедленной смертью. В том мире, в котором жил Генеральный Секретарь, это означало почти близкую дружбу.

Вадим Семёнович взмахнул палочкой, и в заранее приготовленные бокалы из ниоткуда полилась ярко — жёлтая, почти прозрачная жидкость. Генеральный секретарь знал, что министр магии не пьёт его любимое вино, и каждый раз выставлял только пустые бокалы. Впрочем, бутылка лучшего грузинского вина тоже присутствовала на столе.

— Напугаю, господин Товарищ Генеральный Секретарь. У нас беда. Поклонники тёмных искусств значительно усилились за последнее время и набрали много сторонников. Они будут активно вмешиваться в жизнь людей и в ход войны. Впрочем, в жизнь магов они вмешиваются не меньше. Наши люди почти перестали выходить из дома, часты убийства тех, кто им сопротивляется. Мы делаем, что можем, но люди так нестойки к власти и силе... На днях выяснилось, что одна из бригад борцов со мраком полностью состояла из

тёмных магов. Сколько она невинных людей и магов уничтожила... Никому нельзя доверять. Ужас.

Генеральный Секретарь понимающе кивнул. Эта проблема была ему знакома.

— А вы вроде говорили, тогда, после ленинградской бойни, когда они у меня почти всё руководство города уничтожили, чтозяли их под контроль.

Вадим Семёнович скрипнул зубами.

— Да... взяли. Те надёжно сидят в тюрьме. Это новые маги, намного более сильные и злые. У них появился какой-то тёмный гений, он над нашими мракоборцами только смеётся. Говорят, из Англии талант. Сейчас им зачем-то понадобилось очень много мёртвых людей. Мы не знаем, зачем. Очень многие ритуалы чёрной магии построены на крови и убийствах, и пока мы не знаем, что именно они задумали. Если ваши похоронные бригады не найдут того количества убитых, которое ожидали, то не удивляйтесь. Эта война не будет быстрой, господин Товарищ Генеральный Секретарь. Насколько нам известно, они предприняли ряд усилий для того, чтобы ослабить вооружение всех воюющих сторон, а ещё они будут активно мешать наступательным операциям. Если ваши лучшие командиры вдруг начнут творить разные глупости и терять по сто танков в один день, не расстреливайте

их. Скорее всего, им просто заморочили сознание. Мы, конечно, постараемся их прикрыть, но наши силы так невелики...

— И сколько лет продлится война? — мрачно спросил Генеральный Секретарь после минутной паузы.

— Кто знает? Мы не знаем, сколько убитых им нужно. Два года, три, пять? Это зависит от того, как быстро мы поймаем зачинщиков. Если они до этого не решат, что им достаточно крови и убитых.

Генеральный Секретарь выключил свет и подошел к окну, чтобы взглянуть на ночную Москву. Действовало затемнение, ни одного огонька не было видно в городе. На фоне светлого ночного неба вырисовывались только силуэты зданий. Сто танков в день! Да у него в начале войны их всего было пятьсот, таких, которые можно назвать танками без натяжки. Таких потерь и такой войны ему народ не простит. Дело мирового коммунизма остановлено навсегда. После таких жертв народ не поднимется.

— В таком случае, я сниму с фронта обстрелянных механиков — водителей танков. Будем готовить из них военных инженеров.

— Это очень мудрое решение, — министр магии взял свой бокал и тоже подошел к окну.

Два усталых старика стояли и смотрели в окно. Одинаково всевластные и одинаково

бессильные что-либо изменить, они стояли и смотрели на город, затопленный тьмой.

— Но надо же что-то делать, — сказал Генеральный Секретарь, — вы же маги, вы же умеете колдовать. Придумайте что-нибудь, какую-нибудь ловушку.

— Беда в том, что наши противники умеют колдовать в настоящее время лучше, чем мы, — ответил министр магии.

Глава 4. Василий Майоров

Май 1942 года. Юг России. Район Харькова.

Тёмно — зелёные коробочки танков, покачиваясь на ухабах, приближались к окопам пехотной дивизии вермахта. Вслед за танками бежала тонкая цепочка солдат. Оборона немцев молчала. Однако, стоило танкам пересечь некоторую черту, как оборона тут же ожила. Застрочили пулемёты, отсекая пехоту от танков. Заухали замаскированные в кустах противотанковые пушки. Стоявшие в обороне солдаты знали, что их 37-мм противотанковые пушки не пробивают броню советских танков, и потому наводили свои орудия на гусеницы и — если очень повезёт — на корму танков. Сколько раз солдаты ругали свое начальство, бросившее их в бой с негодными противотанковыми пушками!

Сколько раз их офицеры писали «наверх» докладные о том, что они практически безоружны! Дело с мёртвой точки не двигалось. Снаряды отлетали от тридцатьчетверок, как горох от стен. Приходилось очень точно целиться, надеясь попасть по очень маленьким гусеницам на очень большом расстоянии. А пушки танков в это время тоже не молчали...

И, тем не менее, обороняющимся пока везло. Брошенные в атаку без разведки, без артподготовки, без авиационного прикрытия, танки получали снаряды в самые уязвимые места с самого близкого расстояния. Несколько танков, получив снаряды в гусеницы, завертелись на месте. Один танк налетел на мину и замер. Только два танка продолжали продвигаться вперед. И в этот момент заговорила зенитная пушка — последний козырь обороняющегося вермахта. Третий из выпущенных ею снарядов попал в лобовую броню переднего танка, и, не пробив её, отрекошетировал. Тем не менее, танк остановился. Второй танк тоже остановился и принялся гвоздить по тому месту, откуда стреляла обнаружившая себя зенитка.

Но Василий Майоров, механик — водитель первого танка, этого уже не видел. Ему невероятно повезло — снаряд зенитки попал в танк под очень неудачным углом и не пробил броню, однако, от сильнейшего удара огромный кусок брони отлетел

от внутренней поверхности танка и попал водителю в лицо, повредив левый глаз и прочертив длинную рану по виску. От удара Василий потерял сознание. Пришел в себя он только вечером, когда его грузили на санитарную «полупорку». Голова болела ужасно, грузовик на листовых рессорах, лишённый амортизаторов, трясло на просёлочной дороге со страшной силой, и только далёкие и равнодушные звезды безмолвно насмехались над человеческими страданиями.

И тут Василия как будто что-то стукнуло. Он вдруг увидел, увидел себя, идущего к звёздам в окружении товарищей, увидел землян, летящих на огромных, блестящих кораблях к дальним планетам, чтобы устроить во всей Вселенной справедливость и изобилие, и ему безумно захотелось заняться космосом, стать сильным, добрым и великолепным в своей доброте.

Василий даже не представлял, как ему повезло. В неудачном для советской стороны харьковском сражении советская группировка войск, имевшая в своём составе почти тысячу танков и превосходящие человеческие ресурсы, будет разбита тремя сотнями немецких танков и откатится до Волги, до Сталинграда, а немцы ринутся на Кавказ и к Туапсе...

Позже, уже в госпитале, Василий поделился с товарищами по палате идеей о космических

полётах. Солдаты смеялись над ним и называли «космистом», но, в целом, сочувствовали. Во время одного из разговоров он выразился не очень осторожно. Рассуждая о том, какую правду земляне смогут принести инопланетянам, он допустил слова о том, что идеологии коммунизма — такой, какая она есть в настоящее время, — не хватит для того, чтобы объяснить инопланетянам суть идеального общества. Большинство солдат посмеялось и забыло, но среди всех слушателей (дело, как назло, происходило в холле госпиталя, где по случаю дождя собрались многие выздоравливающие) нашлась-таки какая-то гнидочка, которая настрочила в госбезопасность донос о том, что Василий Майоров разводит антикоммунистическую пропаганду.

На следующий день за ним приехала «эмка» из госбезопасности. Василия привезли в райотдел ГБ. Через полчаса ожидания его завели в комнату, где сидел пожилой дядька с погонами лейтенанта ГБ.

Дядька посмотрел на его щуплую мальчишескую фигуру, повреждённый глаз и увидел перед собой героя — фронтовика, наболтавшего в шутку всякий вздор. Он уже собирался отпустить парнишку под обещание быть осторожнее в словах, когда в комнату вошел высокий седой мужчина с погонами полковника ГБ.

Пожилой лейтенант несколько раз видел этого полковника, тот иногда наезжал к ним с инспекциями из области.

— Прошу разрешить нам поговорить наедине, — сухо приказал полковник и сел на место, которое освободил для него хозяин кабинета.

Когда они остались в кабинете вдвоем, полковник неожиданно ласково улыбнулся Василию и спросил:

— Ну, и с чего это мы стали думать о нанесении счастья инопланетянам?

Василий, к тому моменту перепугавшийся не на шутку, рассказал ему все, как было: и про то, как ехал раненый в грузовике, и про то, как звезды над ним смеялись, и про то, что вот если завтра придется лететь к другим планетам, как в «Аэлите», то придётся что-то говорить инопланетянам про идеальное общество, а сказать и нечего, кроме того, что надо бороться с капиталистами, стыд сплошной, ведь инопланетяне могут и не знать, кто такие капиталисты!

— А что же, по-твоему, надо говорить в таком случае? — с хитрой улыбкой спросил полковник.

— Что-нибудь про то, чем человек отличается от животного, или про культуру..., — озвучил Василий результаты своих последних размышлений.

— Я вижу, ты парень с головой, нам такие

нужны. Есть у нас одна организация, которая занимается именно этими проблемами. Но только там придется очень много учиться. Если ты не против, после госпиталя будешь направлен туда. Называется «Университет «Китеж».

— Университет? Куда мне в университет, я только ФЗУ заканчивал?

— А хотел бы?

— Очень! Да и куда я ещё подамся после госпиталя, с одним глазом?

— Значит, будешь в университете. Кстати, дай-ка мне посмотреть твой глаз.

Василий удивился, но повязку снял. И тут полковник достал один предмет, который Василий, не будь он комсомольцем и материалистом, назвал бы волшебной палочкой. Полковник повертел палочкой перед его глазом, что-то пошептал, а затем скомандовал одевать повязку. Василий одел.

— Документы на тебя придут позже, а пока возвращайся в госпиталь. Я навещу тебя через недельку.

Но Василий никогда больше не увидел полковника. Через две недели после разговора к воротам госпиталя подъехала уже известная ему потёртая «эмка», и из неё вышел знакомый дядька — лейтенант.

— Держи, дружок, товарищ Семёнов велел тебе передать, если что, — сказал он, передавая